

КОНСТАНТИН ЛОПУШАНСКИЙ:

Искусство – территория обостренных самолюбий

В прокат выходит фильм Константина Лопушанского "Гадкие лебеди", только что получивший Гран-при в Смоленске на фестивале "Новое кино. XXI век". В его основе – одноименная повесть братьев Стругацких.

В городе-призраке под названием Ташлинск, где разворачиваются события, расположен интернат для сверходаренных детей. Подрастает странное поколение, воспитанное учителями-мокрецами – то ли мутантами, то ли пришельцами. В этом вечном мрачном городке странным образом меняется климат. Происходящее напоминает вселенский потоп.

Работают бесчисленные комиссии, которые и пытаются изучить аномалию. Писатель Виктор Банев, приехавший издали, ведет собственное расследование, поскольку в интернате находится его дочь. И он начинает борьбу не только за судьбы детей, но за будущее, которое должно выбрать для себя человечество.

Замысел картины возник у Константина Лопушанского лет 15 назад. Сочинение Стругацких "Гадкие лебеди" подверглось существенным коррективам, и надо сказать, что Борис Стругацкий проявил удивительную для автора первоисточника терпимость, позволив работать с его материалом решительно и смело. Ни во что не вмешивался, увидел уже готовый вариант и остался доволен. Повесть Стругацких, написанная в 60-х, ходила некогда в списках, а опубликована была уже в годы перестройки. Поддержку проекту Лопушанского и продюсера Андрея Сигле оказал Михаил Горбачев. Он приезжал на съемочную площадку. История этих взаимоотношений – со стажем. В нелегкие для режиссера времена именно Горбачев поддержал его.

Особую атмосферу в фильме создает музыка Андрея Сигле, исполненная при помощи огромных металлических листов, прикрученных к рамам замысловатой формы. Их Сигле увидел на одной из авангардистских выставок (назывались они звуковыми скульптурами) и использовал. Плюс тибетская флейта как тема молитвы и отрешения. Вместе с потоками воды, которые беспрерывно выливаются в кадре, все это создает странное ощущение и придает картине в целом нечто магнетическое.

На главную роль Лопушанский пригласил Григория Гладия, вот уже пятнадцать лет живущего в Канаде. Собственная жизнь актера неожиданно совпала с судьбой его героя.

Константина Лопушанского продюсер и композитор Андрей Сигле назвал деспотом на съемочной площадке, поскольку с ним тяжело работать, но он добивается максимального результата. Мы беседуем с Константином ЛОПУШАНСКИМ не только о "Гадких лебедях", но и о кино в целом и питерском в частности, ведь мой собеседник является его представителем.

– Мир наш неисправим. Нарисованная вами картина довольно безысходна. Хотя сами вы не производите впечатления пессимиста...

– Александр Блок считал оптимизм убогим мировоззрением и был прав, поскольку подлинное мировоззрение всегда трагично. Важно понимать трагизм жизни. Все сложнее, чем кажется на первый взгляд. А глубокую мысль Блока иногда полезно вспоминать. Все это не говорит о том, что я призываю не быть оптимистами.

– Понятие "питерская школа" всегда имело конкретный смысл. Видя некоторые питерские картины сегодня, начинаешь сомневаться в том, существует ли она?

– Традиции питерского кино существуют. Есть желание оставаться в рамках авторского кино, даже если оно коллективное, сохранять требовательность к профессии. Удерживать ее на должном уровне в том потоке телепродукции, который всех нас захлестнул и который резко снижает планку качества, непросто. Я знаю нескольких людей, собственно, их всегда было несколько, которые абсолютно отвечают понятию "питерская школа". Если же говорить о потоке, то понятно, что волны набегают, приходят новые люди, и они несут пену нового времени. Наступила эра коммерческого подхода ко многим вещам, критерии снижаются. Я уж не говорю о таком подходе, суть которого когда-то определил Тарковский, что фильм – это поступок. Попробуй сегодня скажи продюсеру, что надо 40 дней поститься, чтобы создать нечто!

Каждое поколение говорит примерно одно и то же: вот, мол, в наше время было лучше. И это великое заблуждение, что каждое последующее поколение тлетворнее, развратнее, больше себе позволяет, чем предшественники. Хотя надо признать, что человечество сдвигается в сторону большего себе позволения. Но новое поколение не всегда хуже предыдущих. И то, что хорошим считалось когда-то, не всегда оказывается таковым с течением времени. Оно часто оборачивается морализаторством, узостью мышления, ханжеством. Времена, когда режиссеры шли на инфаркты ради фильма, давно миновали. Сегодня кино, как и многие сферы искусства и человеческой деятельности вообще, – это зарабатывание денег, производство продукта. Придя в ресторан, ты имеешь право заказать

музыку, что вовсе не означает, что надо отменить филармонию. Баланс между филармонией и хорошим рестораном должен быть. Но для его соблюдения общество должно быть здоровым, с хорошей культурной традицией, пребывать в светлом уме и ясной памяти, быть лишенным всего того безумия, которое, к сожалению, пока одолевает нас.

Питерская волна слишком сумбурна сегодня. Законов и правил соотношения ресторана с филармонией иногда на себе не испытывает. Но она есть. И свидетельств тому немало. Я сам преподаю, являюсь профессором Санкт-Петербургского университета кино и телевидения. У меня учатся несколько толковых ребят – будущих режиссеров. Что в них больше всего поражает, так это то, что все они не хотят откровенно заниматься коммерческим кино. Мы за высокое искусство – говорят они. Это желание отстоять себя вызывает уважение. Может быть, потом они будут снимать сериалы, но уж раз готовы отстаивать высокое искусство – это уже что-то. И мои ребята – тоже питерская волна, как и Алексей Герман-младший, который не мог не появиться. Настоящих режиссеров всегда можно было перечислить по пальцам одной руки. Именно они движут искусство. Но в целом необходим добротный, хорошо сделанный поток.

– Сегодня, когда интерес к молодым огромен да и направлен именно на них, как вы себя чувствуете среди обласканных новобранцев?

– Очевидно, что надо давать дорогу молодым. Иногда во всем этом просматривается чудовищная бестактность по отношению к старшему поколению. В искусстве все довольно условно. Если же единственным критерием в оценке является факт явления нового имени, то о чем вообще говорить. Конкурс в искусстве – явление аморальное само по себе. Невозможно Толстого с Достоевским заставлять соревноваться. Искусство вообще – территория обостренных самолюбий. Малейшее неловкое движение вызывает бурю эмоций.

– Кому-то кажется, что кино Лопушанского старомодно, а вот Серебренников находится на пике современности...

– В моменте современности всегда есть момент спекуляции. Современное то, что убедительно, отличается качеством сделанного, добротностью материала.

– Но вернемся к вашему фильму. Мокрецы – это представители земной цивилизации или пришельцы?

– Тема пришельцев меня категорически не устраивала изначально, поскольку тут же переводила все исключительно в плоскость жанра фантастики. Речь идет о некоем владении духовной энергией. Этого умеют добиваться йоги. Примерно такими же приметами мы наделили мокрецов. А уж как человек расправляется с носителями духа – отдельный вопрос. Подобные носители духа противостоят нашей меркантильной цивилизации. Дети принимают их сторону в самой крайней форме противостояния миру. Болезненная сегодня тема в той ситуации, когда любое проявление религиозного или какого-то иного экстремизма заканчивается бомбардировками в нашем мире.

Материал Стругацких привлек меня многократностью образов и сюжетных построений. Он не сводится к какому-то одному прочтению. У нас показан экстремальный момент, наиболее принятый в мире, – бомбардировки города, хотя большинство членов комиссии и настаивали на изучении сложившейся ситуации, проблем того, кто инако мыслит и чувствует. И уж никак нельзя заниматься в таких условиях уничтожением. Взаимоотношения с тем, что инаково, – важная и часто неразрешимая тема.

– Сложно ли было согласовывать какие-то вещи с Борисом Стругацким?

– Совсем нет. Все основные идеи мы с ним обсуждали в процессе создания сценария. Он говорил о том, что уйти максимально далеко от текста – залог успеха картины.

– Как вы только выжидали в потоках воды, обрушивавшихся на ваши головы, в тяжелейших условиях ночной работы?

– Мы гуманные люди. Берели детей, которые у нас снимались. Но съемки сами по себе были сложные. Водяная пыль имеет фактуру материала, и изображение благодаря ей становится совершенно другим. Это хорошо известно художникам, работающим с фонтанами. Нам пришлось пригласить человека, который умеет работать с водой, создавать из нее рисунки, скульптуры, качество фактуры и воздуха. Интересная была работа, но очень мокрая. Привезли специальную дождевую установку. Представьте себе, что человек, только что снявшийся в воде, в следующий дубль в той же одежде войти уже не может. Его надо переодеть. Так что требовалось по несколько комплектов одежды на каждого. Актёров надо было согреть, укутать в одеяла. Но теперь вспоминаем о том времени с удовольствием.

Беседу вела
Светлана ХОХРЯКОВА



Кадр из фильма "Гадкие лебеди"